

ГЕРОЙ ПРИХОДИТ ИЗ ЖИЗНИ

МНЕ ТРУДНО найти слова, которые могли бы передать чувство глубокой благодарности за откровенный, прямой и взыскательный разговор на встречах руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства. Эти встречи всколыхнули не только нас, но и весь советский народ. Иначе и быть не могло. Ведь наше искусство всегда было партийным и народным. И высшее оное призвание все мы, актеры и художники, музыканты и режиссеры, всегда видели в том, чтобы будить словом, песней, произведениями живописи высокие гражданские чувства.

Что греха таить, в текучке будней, за нагромождением больших и малых дел мы нередко забывали о том, какое острое оружие находится в наших руках. Ведь сила искусства особенно велика потому, что оно эмоционально воздействует на умы и сердца людей. Чем ярче талант художника, тем сильнее его влияние, его заразительность. Много может искусство: и наполнить человека светлой радостью, и сбросить в бездну неверия и пессимизма. Все зависит от идейной направленности искусства, от того, кому оно служит, какие цели перед собой ставит. Искусство не бывает бесцельным, ибо в кажущейся бесцельности уже заложено и свое содержание, и свой смысл, глубоко чуждые нам. Чтобы искусство действительно стало оружием в борьбе за наши идеалы, художник должен стоять на четких партийных позициях. Любая недомолвка или умолчание, как мы неоднократно уже убеждались, обычно бьются чреватые последствиями. Нечеткость идейных позиций художника и создает ту лазейку, в которую протискиваются чуждые нам веяния. Лучший способ крепко встать на ноги — хорошо знать жизнь, знать людей, для которых мы работаем.

Изучение жизни — это постоянный процесс, продолжающийся для настоящего художника всегда. Он — в вечной любознательности и интересе ко всему многообразию жизни, в беспокойном желании узнать и увидеть как можно больше, в пристальном и заинтересованном отношении к окружающим людям.

Актер идет в цех завода, чтобы выступить там с чтением стихов, и не думает при этом специально об изучении жизни. Она сама поворачи-

вается к нему новой необычной гранью, ибо его слушатели на своем рабочем месте всегда выглядят иначе, нежели в концертном зале.

Актер читает лекцию в университете культуры и снова видит новые лица и живые глаза людей, которые могут создавать не только уникальные станки, но и тонко чувствовать прекрасное. А разве не изучение жизни — задушевные беседы после выездных спектаклей в селе? Наши зрители искренно говорят о своих раздумьях, просят помочь разобратся средствами искусства в различных жизненных проблемах. Как дорого нам такое доверие и как ко многому оно обязывает!

Мне нравится тесная дружба коллектива Новосибирского театра оперы и балета с учеными Академического городка. Ученые — первые зрители и первые критики многих спектаклей театра. Неподдельный интерес к работе друг друга, уважение к труду — будь то труд ученого или солиста балета — вот что дорого в этой дружбе. И она помогает в изучении действительности, в постижении характера советского человека.

Я НЕДАРОМ завела разговор об этом. Мне кажется, что иногда некоторым нашим актерам, в особенности молодым, не хватает такой жизненной закалки, подчас они плохо представляют, зачем пришли в театр.

Я вспоминаю случай, который произошел в Тузе год или полтора тому назад. Группа актеров отправилась к своим зрителям в молодежное общежитие. Встреча прошла на редкость удачно. И актерам, и рабочим было одинаково интересно слушать про дела друг друга. Потом слово взял молодой актер К. Хорошо поставленным голосом он заговорил о своей мечте сыграть роль современника, передового рабочего и здесь же кокетливо признался, что он ничего не понимает в производстве, никогда не бывал на заводе и даже не умеет отличить фрезерный станок от шлифовального. Но в театре, дескать, это и не важно.

Беда, конечно, не в том, что актер К. не может отличить один станок от другого. Беда в другом: он не стеснялся говорить о своем незнании, ставил себе чуть ли не в заслугу невежество, создавал пре-

вратное представление о нелегком труде актера. И совершенно резонно рабочие заметили: как же, дескать, ты берешься изображать нас на сцене, если так пренебрежительно говоришь о нашем труде?

Сейчас К. уехал из Новосибирска. Верю, что он стал глубже и серьезнее относиться к своему делу, понял: для того чтобы иметь право рассказывать о современнике со сцены, надо знать этого современника так же хорошо, как самого себя. Именно к этому стремятся актеры нашего театра.

Я помню, как работал коллектив «Красного факела» над спектаклем «Стряпуха». Исполнители добивались, чтобы их герои были живыми, полнокровными людьми, а не отвлеченными символами. Как нам помогла тогда дружба и общение с колхозниками Мошковского района! Мы и сами ездили к ним, и они были несколько дней гостями в театре. Наши Павлина (артистка А. Покидченко) и Галина Сахно (артистка Л. Борисова) не расставались все это время с двумя молоденькими доярками. Их интересовало все: и как складывается рабочий день доярки, и что они делают по вечерам, и какие песни поют, и как повязывают платки.

За годы работы в «Красном факеле» я сыграла много ролей. Были среди них более и менее удачные, более и менее любимые, но одна стала особенно близка и дорога моему сердцу. Это роль Саньки из пьесы Рогозинской «Двадцатилетние» (постановка В. Редлих). В центре спектакля — образ девушки, вырвавшейся из темноты к свету. Моя Санька была по характеру настоящей сибирячкой, упорной, настойчивой, смелой. Я знала в 30-х годах много таких же, как Санька, парней и девушек, приходивших в опорках из села в город за правдой, за счастьем. Я встречалась с ними на стройках Кузбасса, в рабочих общежитиях, в селах и имела возможность хорошо узнать и полюбить их. Этих людей не пугали трудности, у них была суровая жизненная закалка, им много пришлось испытать.

Изучение жизни — не самоцель. Для того чтобы создать живой образ на сцене, мало одних указаний драматурга и режиссера. Актер должен внести в образ и свое мироощущение, без этого его герой будет схемой, а не живым человеком. И вот тут-то и нужны знания, наблюдения, опыт.

Мне кажется, что мы, советские художники, не можем, не имеем права стоять в стороне от действительности, замыкаться в рамках своей чисто профессиональной работы. Мы не только актеры, но и граждане своей великой страны. Именно поэтому мы должны принимать активное участие во всех формах борьбы за умы и сердца людей, будь то университет культуры или народный театр, лекция о рабочем клубе или диспут в молодежном общежитии. Это наш гражданский долг. Но дело не только в долге. Участие в общественной жизни самим нам необходимо, как воздух. Без такого общения с людьми без знания жизни наше искусство становится мертвым, бесполезным.

Я — за душевную молодость, которая измеряется не только года-

ми. Я — за душевную молодость, которая в том, чтобы активно вторгаться в жизнь, быть в ней не

пассивным созерцателем, а участником, строителем, борцом!

Художник не должен успокаиваться на достигнутом, не должен заниматься подсчетом своих побед и наград, ибо ничего нет страшнее для человека, чем сознание, что он «всего достиг». Дорога к истинно прекрасному бесконечна, но она не для тех, кто боится трудностей в пути.

В НАШЕ героическое время неизмеримо возросла ответственность художника перед народом — строителем коммунизма. Грандиозные дела советских людей требуют достойного отображения в произведениях искусства. И если с этой точки зрения посмотреть на то, что делают сейчас новосибирские театры, то, несмотря на многие успехи, нельзя не сказать о долге, в котором они находятся перед своими зрителями. До сих пор не создано на сценах наших театров живой, полнокровный образ героя-современника, властителя дум и сердец. Кто из положительных героев в спектаклях нынешнего сезона может сравниться по силе воздействия с Павлом Корчагиным, Любовью Яровой, нашей современницей Нилой Снижко, с коммунистом Бахревым, с Иваном Буданцевым, пришедшим в советскую драматургию со сцены «Красного факела»?

К сожалению, нет такого героя, а он нужен, ох, как нужен сейчас! Мы, актеры, ждем его не меньше зрителей, у нас просто сердце тоскует по большой, настоящей работе, в которую можно было уйти с головой. Я сказала о тоске и вспомнила такой эпизод.

Несколько новосибирских актеров были однажды в гостях у знатной доярки области А. Бастрыкиной. За свою жизнь она надоила такое количество молока, что им можно было бы наполнить огромный город. А тогда, впрочем, Бастрыкина не работала — болели руки (к сожалению, это профессиональная болезнь многих доярок). Мы сидели в ее новом доме, полном достатка, разговаривали с женщиной, чье имя известно не только в нашей области. Я обратила внимание, что во время нашего разговора Бастрыкина спокойно потирала руки.

— Болят? — спросила я.

— Тоскуют, — улыбнулась она. — Тоскуют по работе.

Вот и мы, артисты, тоскуем сейчас по настоящему делу. Такому, которого требует от нас партия. Такому, которого требует народ.

Е. АГАРОНОВА,
народная артистка РСФСР.
НОВОСИБИРСК.